

выразилось его нравственное служеніе и религіозное призваніе— быть голосомъ общественной совѣсти. За послѣднія десятилѣтія не было выдающагося событія русской жизни, на которое онъ, худо-ли, хорошо-ли, не отозвался бы словомъ или дѣломъ. Однако не всегда достаточно взвѣшиваютъ, чего стоятъ эти отклики тому сердцу, изъ котораго они вырываются. Но и въ нихъ большею частью тоже отражалась двойственность и противорѣчивость стихій, боровшихся въ самомъ Толстомъ, иногда они болѣе будоражили и волновали совѣсть, нежели ее проясняли. Вичующія слова его часто бывали мучительны для совѣсти, но вѣдь объ извѣстныхъ вещахъ и надо мучиться, и правда часто бываетъ мучительна. И въ этой власти будить засыпающую совѣсть заключается то, что объединяетъ въ положительномъ отношеніи къ Толстому многихъ людей разныхъ вѣръ и разныхъ настроеній.

Однако преклоненіе предъ мощнымъ обличителемъ неправды идетъ у многихъ и дальше. За послѣднее время входитъ въ обычай сопоставлять Толстого съ основателями великихъ историческихъ религій. Подобныя сопоставленія являются глубоко ошибочными, это даже не преувеличеніе, а просто ложь. Толстой есть *религіозный искатель*, который всецѣло поглощенъ интересами религіи и заражаетъ ими всѣхъ, попадающихъ въ сферу его вліянія. Но ему самому дано было знать тревогу исканій гораздо больше, нежели покой и радость религіозной жизни, тихаго роста души на недвижной основѣ. Онъ не пророкъ и не святой, онъ только великій искатель, которому свойственно однако все человѣческое и „слишкомъ человѣческое“, съ исключительными подъемами, но и съ очевидными слабостями и ограниченностью. Въ его религіозномъ ученіи, т.-е. въ томъ, что именно называется „толстовствомъ“, изъ двухъ противорѣчивыхъ стихій его души, религіозной и нигилистической, безусловно преобладаетъ вторая, разрушительная. Для него такъ и остается недоступна какъ мистическая, такъ и метафизическая сторона христіанства, которое онъ понимаетъ преимущественно какъ религіозно-окрашенную этику. Въ его богословскихъ сочиненіяхъ поражаетъ, на-ряду съ крайней разсудочностью, хотя и при отсутствіи подлинной научности, какой-то религіозный эклектизмъ, механическое соединеніе элементовъ разныхъ религій, и какъ будто вовсе отсутствуетъ воспріятіе *личности* Христа въ ея единственности; отсюда и отрицаніе Его бого-